

НЕНАСИЛИЕ КАК ПОСТНАСИЛЬСТВЕННАЯ СТАДИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. В статье исследуются основные идеи этики ненасилия известного современного философа А.А. Гусейнова. Этика ненасилия рассматривается в свете проблемы социальной справедливости. Рассматриваются понятия насилия и ненасилия под углом зрения понятия справедливости. Этика ненасилия рассматривается как попытка реализации справедливости в жизни современного общества. Понимание справедливости в этике ненасилия исследуется в свете обогащения данной проблематики.

Автор рассматривает этику ненасилия как отражение реалий современного мира и пытается выявить в ней идеи, которые могут быть использованы при реализации справедливости в условиях современного общества.

Автор исследует этику ненасилия в контексте проблемы социальной справедливости под углом зрения единства всех сфер общественной жизни, взаимосвязи и взаимообусловленности потребностей, интересов и ценностей. Этика ненасилия А.А. Гусейнова представляется интересной и оригинальной. Она отражает мировоззрение определённых социальных слоёв общества и их пожелания. Ненасилие понимается как постнасильственная стадия в борьбе за социальную справедливость. Положения этики ненасилия требуют своего дальнейшего более глубокого исследования в контексте нынешних и последующих социальных реалий.

Ключевые слова: справедливость, свобода, равенство, насилие, ненасилие, мораль, нравственность, этика, добро, зло.

Проблема социальной справедливости во все времена была актуальной в различных обществах, и с учетом конкретно-исторических условий тот или иной аспект справедливости выходил на первое место. Если в странах Западной Европы в большей мере уделяли внимание политическим и правовым аспектам справедливости, то в России преимущественно рассматривали морально-нравственный аспект справедливости. Современный период российской истории в этом плане не является исключением. В современной России имеет место определённая дискуссия вокруг проблемы социальной справедливости, дискуссия между политическими партиями, общественными движениями, представителями общественных наук, в том числе и философии.

В свете исследования проблемы социальной справедливости вызывают особый интерес воззрения известного российского философа А.А. Гусейнова, воззрения, которые являются выражением постнасильственной стадии в борьбе за реализацию социальной справедливости. Мы не пытаемся изложить в этой статье основные момен-

ты всей философии и этики А.А. Гусейнова, а только то, что вызывает у нас наибольший интерес в рамках исследования проблемы социальной справедливости. В этом смысле этика ненасилия, как и в целом, проблема насилия и ненасилия, является актуальной в числе важнейших вопросов проблемы справедливости. Понятия насилия и ненасилия требуют своего осмысления под углом зрения понятия справедливости, требуют этической и философской оценки. Но само понятие справедливости также требует своего теоретического осмысления в категориях этики и философии. Можно согласиться с А. Камю, который тонко указывал: «Требование справедливости превращается в несправедливость, если оно не основывается, прежде всего, на этическом оправдании справедливости»¹. Решение вопросов свободы и справедливости возможно только в контексте конкретного мировоззренчески-цельного взгляда на человека и его жизнедеятельность, в частности конкретной философской системы, полагает А.А. Гусейнов. «Истинность

¹ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 281.

понятий свободы и справедливости ...зависит от истинности философской системы в целом, выражением, продолжением, а одновременно и испытанием которой они являются»².

Идея ненасилия, как отмечает А.А. Гусейнов, вошла (вернулась, если иметь в виду взгляды Л.Н. Толстого) в тематику отечественной философии в конце 80-х годов XX века. И когда впервые было использовано словосочетание «этика ненасилия», как новое научное направление, существовало мнение, что этика и не может быть иной. Сама идея этики ненасилия лишает, как думают некоторые, мораль и этику опору в насилии. Последнее связано с тем, что некоторые люди в результате ложных стереотипов и по другим причинам отождествляют ненасилие с покорностью и смирением, не говоря уже о тех структурах, для которых насилие является основной гарантией их привилегированного или даже просто особого положения³.

Мы считаем, что люди часто предпочитают те социальные нормы и определенные меры в общественной жизнедеятельности, которые отвечают их объективным интересам. Человек может и не осознавать, почему определенные меры он считает правомерными и нравственными. Но меры, которые он полагает в качестве таковых, как правило, отвечают его интересам. А.А. Гусейнов справедливо указывает, что насилие гарантирует привилегированное положение некоторых структур. Эти структуры, надо полагать, заинтересованы в наличии насилия в обществе. Думается, что различным силовым структурам будет не очень легко включить этику ненасилия в область собственных моральных убеждений. Это можно объяснить известным положением о воле к власти, которое, как нам представляется, не всегда осознается и самими людьми, демонстрирующими свою власть.

А.А. Гусейнов отмечает, что агрессивные инстинкты, властные отношения господства и подчинения, а также им подобные факты человеческого бытия с закономерным постоянством воспроизводят насилие. Насилие можно минимизировать,

скрыть, но его нельзя полностью изъять ни из биологии человека, ни из его социальной сущности⁴.

Насилие часто бывает связано с моральной демагогией, они связаны между собой настолько органично, что моральная демагогия неизбежно ведёт к насилию, а насилие предполагает моральную демагогию в качестве неременного своего условия⁵.

Здесь автор этики ненасилия прав, ибо можно вспомнить, что на различных этапах исторического развития в различных обществах господствующие социальные силы пытались преподнести под видом справедливых те меры, которые отвечали их не всегда справедливым интересам, сопровождая эти меры, в том числе и моральной демагогией. Таким же образом поступали наиболее развитые в экономическом отношении страны мира в отношении более слабых стран, ущемляя интересы последних. Справедливость, провозглашаемая официально, в том числе и на межгосударственном уровне, часто является правом сильнейшего. При этом сильные мира сего за счет специально организованной пропаганды, как правило, стараются идеологически обосновать свои явно несправедливые деяния, своё насилие в отношении остальных, фактически действуя по принципу: «виноваты тем, что хочется мне кушать».

А.А. Гусейнов полагает, что *без разделения людей на добрых и злых было бы совершенно невозможно этически аргументировать насилие*. «Практике насилия, как правило, предшествует определенная моральная демагогия, своего рода идеологическая «артподготовка», направленная на то, чтобы превратить оппонента во врага, вывести за пределы разума и морали, изобразить его как воплощение дьявольского начала, с которым невозможно и даже недопустимо никакое иное обращение помимо насильственного», — указывает он⁶.

А.А. Гусейнов указывает на тот факт, что современный человек вынужден постоянно опасаться насилия, агрессии со стороны, пусть и не всех, но некоторых людей и всё время он предусмотрительно принимает меры по защите собственной жизни и имущества. При этом степень страха современного человека возрастает, несмо-

² Гусейнов А.А. Свобода и справедливость: точки сопряжения // Ведомости НИИПЭ. Вып. 28: Свобода и/или справедливость / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИПЭ, 2006. С. 17.

³ Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

⁴ Там же.

⁵ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5.

⁶ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С. 446.

тря на то, что на каждом шагу можно встретить вооруженного человека, который по долгу своей службы должен защитить добропорядочных граждан. Мы же здесь отметим, что этот современный «человек с ружьем» (терминология моя — *Н.И.*), который, казалось бы, должен оберегать покой и безопасность граждан, наоборот, нередко и вызывает опасения у современного человека. Всё это напоминает человеку, по выражению А.А. Гусейнова, «социальные джунгли».

А.А. Гусейнов справедливо не согласен с теми, кому в современных «социальных джунглях» этика ненасилия кажется утопичной и лицемерной. Он полагает, что «действительно было бы так, если бы мораль и этика являлись продолжением природного процесса в человеке, выражением законов социальности, если бы они представляли собой элементы «надстройки», обслуживающий «базис». А.А. Гусейнов уверен, что мораль и этика находятся по ту сторону необходимости и корысти. «Мораль коренится в автономии человеческого духа и является её выражением»⁷.

В данном рассуждении мы полностью согласны с тем положением, что этика ненасилия не является утопией и лицемерием. Также мы согласны с тем, что мораль является выражением автономии человеческого духа. Но при этом уточним, что человеческий дух не может быть совершенно независим от социально-исторических условий, социальной обстановки и фактического места и роли самого «свободного» (в отношении духа) человека в этом обществе. Этот «свободный» человек в своих оценках общественной жизни и своего места в обществе, рассматриваемых под углом зрения понятий о справедливости, нравственности и морали, как правило, субъективен и тенденциозен. Его моральные воззрения, как и иные ценности, *в конечном счете*, обусловлены собственными потребностями и интересами, во всяком случае, эти воззрения связаны с ними. И в этом смысле человек не совсем свободен⁸. Возможно, отдельным Личностям (личностям в высоком смысле этого слова) и удаётся подняться над этой «зависимостью» и смотреть на вещи совершенно объективно и беспри-

страстно, но это, как правило, исключение. Помимо вышеизложенного мы хотим отметить, что согласно методологическим принципам, на которые мы опираемся, здесь следует исходить из единства природного и социального в человеке. Мы полагаем, что нельзя пренебрегать, как биологическими закономерностями в человеке, так и чисто социальными моментами, относящимися к человеку. И в этом смысле мораль и этика являются продолжением природного процесса в человеке.

Кто бы и как бы ни понимал мораль, какие бы этические теории ни конструировал, одно является несомненным и общепризнанным: «мораль охватывает бытие человека в той части, в какой оно целиком и полностью подконтрольно его сознательной воле, представляет собой совокупность намеренных поступков... Именно в таком качестве и понимании она входит в человеческую жизнедеятельность и культуру», совершенно справедливо утверждает А.А. Гусейнов⁹.

Но при этом следует подчеркнуть, что человек неосознанно может считать моральными те меры, которые ему выгодны, то в чём он *объективно заинтересован*. Хотя в рамках своей сознательности он может субъективно понимать, что определённые действия или меры, пусть и отвечают его интересам, но безнравственны и несправедливы. По этой причине моральная и справедливая личность может и не совершать несправедливых деяний, если эти деяния противоречат справедливым интересам остальных. В морали, как известно, человек поступает в соответствии со своей совестью, исходя из личных убеждений. Но безнравственная личность, даже осознавая несправедливость собственных деяний, может поступать в соответствии с собственной выгодой.

Убежденный сторонник этики ненасилия А.А. Гусейнов верно подметил, что особенность моральных норм заключается в том, что для их ответственности не нужно ничего, кроме решимости человека следовать им. Моральные нормы образуют зону индивидуально-ответственного поведения, их несущей конструкцией является исключительно добрая воля индивида как разумного существа¹⁰. Мы здесь еще раз отметим, что разум человека должен быть свободен при выборе моральной

⁷ Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

⁸ Исмаилов Н.О. К вопросу о соотношении справедливости и нравственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 25–29.

⁹ Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

¹⁰ Там же.

позиции, то есть человек должен оценивать действительность «без гнева и пристрастия».

Но прежде чем рассматривать в дальнейшем насилие под углом зрения понятия справедливости, мы попытаемся понять, какой смысл вкладывает А.А. Гусейнов в понятие насилия.

Определение насилия. В определении понятия насилия, указывает он, существует два подхода, один из которых можно назвать абсолютистским, другой — прагматическим.

Согласно первому подходу, понятие насилия несёт чётко выраженную негативную оценочную нагрузку, это слово подразумевает все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им душевных качеств. Здесь насилие отождествляется со злом вообще, поэтому снимается проблема оправдания насилия, возможности его конструктивного использования, а также отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью¹¹.

Второй подход, то есть прагматический — ориентируется на ценностно-нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом, который люди наносят друг другу. Здесь в качестве примера можно назвать убийство, ограбление и т.п.

Обычный довод с целью оправдания насилия состоит в том, что насилие оправдано в сравнительно малых дозах, — в тех случаях, когда оно предотвращает большее насилие, которое к тому же никаким иным способом предотвратить невозможно, отмечает А.А. Гусейнов.

Как правило, этот довод используют те, кто пытается оправдать собственные деяния, полагаем мы. Но здесь возможен и вариант, когда люди заблуждаются по причине незнания всей сложности проблемы и возможных дальнейших последствий такой «малой дозы» насилия. Представляется, что этот довод люди используют в большей мере на уровне обыденного сознания.

По этому поводу А.А. Гусейнов справедливо и очень тонко замечает, что не существует единицы измерения насилия и указывает, что насилие невозможно сосчитать или измерить, даже если люди видят акт насилия. На самом деле насилие не сводится к внешним своим проявлениям. Боль, например, может быть и чисто физической, и нрав-

ственной, то есть в случаях, когда мы возмущены несправедливостью.

Думается, что трудно будет кому-либо выдвинуть возражения против таких аргументов. Поскольку нравственная боль, несправедливость часто несоизмерима с физической болью. В этой связи уместно вспомнить И. Канта, который утверждал: «Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые нам приходится терпеть, ничто по сравнению с ней»¹². Можно сказать, что доводы И. Канта и А.А. Гусейнова по поводу нравственной боли и несправедливости дополняют друг друга.

Насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. Основания, в силу которых одна воля господствует, властвует над другой, принимает за неё решения, могут быть разными. Здесь в качестве примера можно назвать власть отца, предварительный договор по поводу управления или просто руководства, власть закона и законных правителей, а также — насилие как власть оккупанта, узурпатора, насильника. Так вот, насилие есть не всякое принуждение, не всякий ущерб жизни и собственности, «а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли»¹³.

Согласно нашим теоретическим представлениям о справедливости предварительный договор на сугубо добровольной основе в целях взаимной выгоды не противоречит справедливости. Следовательно, если кого-либо на данных условиях выдвинули в законные правители или просто уполномочили руководить определённой организацией людей, то данное лицо имеет право властвовать (в хорошем смысле этого слова), принимать решения в отношении указанных людей в соответствии с предварительными условиями. В том числе и на тех же условиях руководитель (правитель) может справедливо наказывать тех, кто преступил черту норм данной социальной организации, если последняя мера предварительно была предусмотрена. Такого рода наказание мы называем справедливым наказанием, поскольку оно осуществляется согласно предварительному

¹¹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

¹² Кант И. Сочинения в 6-и тт. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 201.

¹³ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

договору и, на наш взгляд, не является насилием в вышеуказанном смысле.

При таком понимании, продолжает А.А. Гусейнов, понятие насилия приобретает более конкретный и строгий смысл, чем, если просто отождествлять его с властью или трактовать как вообще разрушительную силу. Оно позволяет насилие как определенную форму общественного отношения отличать с одной стороны от агрессивности, а с другой стороны от других форм принуждения в обществе, например патерналистского и правового. Вместе с тем преодолевается свойственная этическому абсолютизму аксиологическая ловушка и вопрос об оправданности насилия остается открытым для рационально аргументированного обсуждения.

Когда говорят об оправданности насилия, то важна и другая сторона — кто бы мог, имея достаточные основания, осуществить насилие, если бы мы признали, что в каких-то случаях оно вполне оправдано. «Ведь недостаточно решить, кто может стать жертвой. Надо ещё ответить, кто достоин стать судьей. Вообще надо заметить, что самый сильный и никем до настоящего времени не опровергнутый аргумент против насилия заключён в евангельском рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями. Кто, какой святой может назвать нам преступников, подлежащих уничтожению?»¹⁴

Мы полагаем, что насилие не может быть оправдано, ни при каких обстоятельствах в рамках того понимания насилия, которое предложено в определении А.А. Гусейнова. Но если в каких-то иных случаях, не подходящих под данное определение, какое-либо наказание действительно можно оправдать, то это наказание, в чём мы уверены, уже не будет являться насилием, а возмездием — справедливым наказанием. То есть насилие несправедливо по определению. В противном случае, говоря об оправданности насилия, мы получаем парадокс.

Что касается того, кто должен осуществлять справедливое наказание (исходя из принципов диалектики, можно утверждать, что совершенно справедливая мера наказания невозможна даже теоретически), если обществу это придётся делать, то, по всей видимости, эти функции должен осуществлять судья, назначенный государством согласно предварительным условиям, считаем мы. Но думается, что в любом случае эти меры в отно-

шении справедливости неоднозначны и требуют своего дальнейшего исследования.

Насилие не может быть орудием добра, ибо оно является следствием ситуации, когда невозможно определить, что является добром. Насилие преподносится в качестве добра, утверждает А.А. Гусейнов, в целях моральной демагогии¹⁵.

Насилие не может получить нравственной санкции, какие бы ни были цели. Ненасилие в этом смысле тождественно самой нравственности, оно есть нравственный закон. «Этика ненасилия отождествляет насилие со злом столь прямо и полно, что исключает какие-либо его извинительные, а тем более, желательные случаи. *Насилие есть зло. Его не должно быть в разумно устроенном человеческом общежитии.* Таково первое основоположение этики ненасилия. Другое её основоположение заключается в том, что *зло нельзя победить злом, насилие нельзя преодолеть посредством насилия*»¹⁶.

Здесь автор этики ненасилия совершенно прав в том, что зло нельзя победить злом. В этой связи следует указать, что с древнейших времен люди пытались дать ответ на вопрос, чем следует отвечать на зло — злом или добром. Или, возможно, на зло следует отвечать каким-либо иным способом. На обыденном уровне общественного сознания существует мнение, что на зло нужно отвечать злом. Так вот, согласно нашему пониманию справедливости, на зло нужно отвечать справедливостью, то есть справедливым наказанием — возмездием. Возмездие — специальный термин для наказующей справедливости. Несправедливого возмездия не бывает. Если кто-либо использует выражение «справедливое возмездие», то это не совсем верно, поскольку возмездие справедливо по определению. Но в некоторых случаях такое выражение допустимо, когда люди иногда говорят о справедливом возмездии, возможно, для большей конкретизации ситуации, для конкретизации своих мыслей¹⁷. Таким образом, справедливое наказание не есть зло. Но если кто-либо превышает меру наказания, демонстрируя месть и (или) излишние

¹⁴ Там же.

¹⁵ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 10.

¹⁶ Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

¹⁷ Исмаилов Н.О. Теория справедливости. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 87.

гнева, то сие также есть зло и насилие. Таким образом, А.А. Гусейнов прав, утверждая, что зло нельзя победить злом.

Ненасилие как историческая программа. С точки зрения А.А. Гусейнова ненасилие должно быть исторической программой для общества. Он считает, что такая мера возможна, потому что в основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла. Человек не является ни радикально злым, ни бесконечно добрым. Из постулата свободы человека вытекает, что человек открыт добру и злу. Надо полагать, силы добра посредством этики ненасилия должны опередить силы зла, должны одолеть их и занять соответствующее место в сознании и убеждениях человека.

Платон в своём проекте идеального государства подчеркивал, что самая совершенная природа при чуждом ей питании становится хуже, чем природа посредственная, и самые одарённые души при плохом воспитании становятся особенно плохими, ведь великие преступления и крайние испорченности не бывают следствием посредственности, а результатом того, что гениальность испорчена плохим воспитанием. Слабые же натуры никогда не будут причиной ни великих благ, ни больших зол, гениально указывал он¹⁸.

А.А. Гусейнов предлагает делать акцент на доброе начало в человеке, на то, чтобы усиливать его путем культивирования и сложения. «Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, исходит из убеждения, что моральная амбивалентность является принципиально неустрашимой основой бытия человека — он не исключает себя из того зла, против которого он ведёт борьбу и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого эта борьба ведется»¹⁹.

Диалектически рассматривая понятия насилия и ненасилия, А.А. Гусейнов делает вывод, что их нельзя понять вне соотнесённости друг с другом. Чтобы раскрыть конкретный характер этой соотнесённости, их надо рассматривать не сами по себе, а в более широком контексте *борьбы добра и зла, борьбы за социальную справедливость и человеческую солидарность*. «Не само по себе насилие становится труднейшей теоретической задачей и

духовным вызовом, а вопрос о том, можно ли использовать насилие во имя благих целей, годится ли оно в качестве средства для борьбы со злом»²⁰.

Принимая во внимание определение насилия и, исходя из этого определения, мы можем подчеркнуть (ответить), что использовать насилие для борьбы со злом нельзя.

Далее А.А. Гусейнов рассматривает насилие и ненасилие как разные перспективы в борьбе за справедливые отношения между людьми в обществе. Возможные линии поведения человека перед лицом насильственно поддерживаемой социальной несправедливости он сводит к трем основным линиям.

Во-первых, это пассивность, трусость и капитуляция, словом, непротивление насилию. Такой позиции он даёт безусловно негативную оценку.

Во-вторых, ответное насилие. Эта линия поведения является в практическом плане более эффективной и в нравственном плане более достойной, чем первая. Это уже вызов насилию и борьба с ним.

«Ответное насилие лучше, чем покорность, но есть ещё третья линия поведения — это активное ненасильственное сопротивление, преодоление ситуации несправедливости, но другими — принципиально ненасильственными методами». Отождествление ненасилия с пассивностью А.А. Гусейнов отводит к устойчивым общественным предрассудкам. Он констатирует, что в обыденном сознании насилие, как правило, оправдывается в качестве альтернативы покорности. «Такая позиция была бы понятна только в том случае, если бы не было третьей возможности — ненасилия, предполагающего исключительно высокую степень активности и действенности, более высокую, чем ответное насилие»²¹.

На основе вышеизложенных рассуждений он делает вывод, что эти три линии поведения образуют восходящий ряд и с прагматической и с аксиологической точек зрения. «И по критерию эффективности, и по критерию ценности противонасилия выше пассивности, ненасилие выше противонасилия. **Ненасилие, следовательно, представляет собой постнасильственную стадию в борьбе за социальную справедливость**»²². (Выделено мною. — Н.И.).

¹⁸ Платон. Государство // Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 242–244.

¹⁹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

Ответное насилие и активное ненасилие, с точки зрения А.А. Гусейнова, представляют разные ступени, стадии зрелости человеческих усилий, направленных на борьбу за социальную справедливость²³.

Ценность ненасилия заключается в том, что оно открывает в рамках сотрудничества возможность решения тех самых конфликтов, которые люди пытаются разрешить посредством насилия, но которые в принципе не могут быть разрешены таким путем, считает А.А. Гусейнов и призывает людей учиться ненасилию. Он понимает, что школа ненасилия настолько же трудней, чем школа насилия, насколько строить, созидать трудней, чем разрушать²⁴.

Ненасилие представляет собой иную, качественно более высокую организацию межчеловеческих отношений, пишет А.А. Гусейнов и призывает к тому, что мы обозначили бы несправедливо забытым, но предлагаемым нами понятием «активная жизненная позиция». Не подлежит сомнению, что одно из величайших зол и несправедливостей на земле — это равнодушие, поэтому в этом пункте мы полностью согласны с автором этики ненасилия. Именно при «заговоре равнодушных» имеют место быть многие преступления. Самое серьезное внимание активной жизненной позиции личности уделял в своих произведениях ещё Платон. В своём труде «Законы» он указывал: — «Кто не совершает несправедливости — почтенен, но более чем вдвое достоин почёта тот, кто и другим не позволяет её совершать»²⁵.

«Более того, этическое отрицание насилия оправдано в той мере, в какой оно переходит в конкретную индивидуальную и общественную дисциплину и практику ненасилия, которая означает новый уровень взаимопонимания и солидарности в обществе. Без такого перехода ненасилие, как и любое другое общее моральное требование, становится демагогией, лицемерием, фальшью», — утверждает он²⁶.

²³ Там же.

²⁴ Гусейнов А. А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

²⁵ Платон. Законы // Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 486.

²⁶ Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.

«Ненасилие есть идеал. Но не в том смысле, что оно отнесено в будущее. Его вообще нельзя рассматривать как некое состояние, которое когда-то будет достигнуто... Оно представляет собой духовно-нравственную основу сознательной деятельности людей, которая задает направление этой деятельности и одновременно поддерживается ею. Ненасилие существует как некое постоянное этическое усилие», считает А.А. Гусейнов²⁷.

Мы уверены, — если в указанном смысле «сознательная деятельность людей» и «постоянное этическое усилие» будут иметь место в практике хотя бы некоторых наиболее сознательных и порядочных граждан, то общество может в некоторой мере постоянно приближаться к этому обозначенному идеалу. Согласно нашему пониманию справедливости, не только общество должно создавать для индивида необходимые условия для развития его личности, но и индивид (личность) должен всячески бороться за реализацию в данном обществе принципов социальной справедливости. Здесь мы опять подходим к понятию (и практике) активной жизненной позиции.

А.А. Гусейнов считает, что в реальном историческом процессе, в целом, ненасилие превалировало над насилием. И в качестве доказательства он утверждает, что если бы это было не так, то общество давно бы погибло. Речь идет, следовательно, не о том, чтобы перейти к ненасилию, а о том, чтобы реально практикуемому людьми ненасилию придать универсальный характер морального закона.

Среди аргументов в пользу идеала ненасилия один из основных заключается в том, справедливо указывает А.А. Гусейнов, *что в противоположном случае у человечества нет будущего*. И не светлого будущего, а вообще будущего²⁸. То есть, насколько мы понимаем, здесь вариантов нет, и человечество обречено идти по пути справедливости и практиковать этику ненасилия, чтобы это будущее наступило.

Современная глобальная опасность, нависшая над человечеством — ядерная, экологическая, демографическая и другие опасности поставили его перед роковым вопросом: или оно откажется от насилия, «этики вражды» или оно вообще погибнет. И этика ненасилия должна сыграть свою роль,

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

чтобы предотвратить эту возможную глобальную катастрофу, справедливо полагает А.А. Гусейнов²⁹.

Данное рассуждение представляется нам в историческом отношении весьма актуальным. Именно этика ненасилия, человеческой солидарности и взаимопонимания являются условиями успешного и устойчивого развития общества, необходимыми условиями его процветания.

Подводя итоги исследования этики ненасилия как постнасильственной стадии в борьбе за социальную справедливость, мы полагаем, что данные воззрения явились отражением назревших в современную эпоху вопросов человеческого бытия, отражением тех социальных реалий, которые имеют место в современном обществе и требуют своего справедливого разрешения. В условиях, накопившихся в современном мире глобальных проблем, в условиях необходимости

перехода современного общества к принципам устойчивого развития вопросы, поставленные А.А. Гусейновым в этике ненасилия, приобретают особую актуальность.

А.А. Гусейнов справедливо представляет ненасилие как иную, качественно более высокую организацию человеческих отношений. Он прав, утверждая, что ненасилие является единственным средством, способным искоренить зло насилия³⁰. Он рассматривает ненасилие как историческую программу и идеал, который должен быть духовно-нравственной основой сознательной деятельности людей. Автор этики ненасилия прав, утверждая, что в условиях современной глобальной опасности, нависшей над человечеством, оно должно отказаться от насилия, если желает выжить. И свою роль в этом процессе должна сыграть этика ненасилия.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк второй. Путеводительный маяк // Философия и культура. 2010. № 10. С. 11–20.
2. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк первый. «Достиг ли я в раздумьях совершенства?» // Философия и культура. 2010. № 9. С. 7–16.
3. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк третий. «Животворящие святыни» // Философия и культура. 2010. № 11. С. 17–24.
4. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5–12.
5. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.
6. Гусейнов А.А. Свобода и справедливость: точки сопряжения // Ведомости НИИПЭ. Вып. 28: Свобода и/или справедливость / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИПЭ, 2006. С. 17–32.
7. Гусейнов А.А. Что такое этика ненасилия? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов. М., 2006.
8. Гусейнов А.А. Этика ненасилия — веление времени. Доклад на Второй Российской научно-практической конференции «Религия в изменяющейся России». Пермь, 11–12 мая 2004 г. («Религия и СМИ» (www.religare.ru)).
9. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998. 472 с.
10. Исмаилов Н.О. К вопросу о соотношении справедливости и нравственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 25–29.
11. Исмаилов Н.О. Справедливость как мера равенства // Социология власти. 2009. № 8. С. 95–103.
12. Исмаилов Н.О. Справедливость как мера свободы // Социология власти. 2009. № 7. С. 136–144.
13. Исмаилов Н.О. Теория справедливости. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. 116 с.
14. Исмаилов Н.О. Этика дискурса Хабермаса в контексте справедливости // Право и политика. 2014. № 4. С. 521–528.
15. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

²⁹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

³⁰ Гусейнов А.А. Этика ненасилия — веление времени. Доклад на Второй Российской научно-практической конференции «Религия в изменяющейся России». Пермь, 11–12 мая 2004 г. («Религия и СМИ» (www.religare.ru)).

16. Канарш Г.Ю. Теория справедливости в зеркале национального характера (о некоторых западных и российских особенностях морального мышления). // *Философия и культура*. 2010. № 11. С. 93–102.
17. Кант И. Сочинения в 6-и тт. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 510 с.
18. Константинов М.С. Бремя добродетели: моральные концепты коммунитаризма // *Политика и общество*. 2013. № 12. С. 1416–1422.
19. Макиавелли Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 574 с.
20. Палюлин А.Ю. «Мораль и догма» о законе и справедливости // *Политика и общество*. 2013. № 9. С. 1177–1185.
21. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
22. Прокофьев А.В. Защита интересов будущих поколений: утилитаристская перспектива // *Философия и культура*. 2012. № 9. С. 139–150.
23. Прокофьев А.В. Этика ненасилия как бегство от нравственного риска // *Философия и культура*. 2011. № 7. С. 137–149.
24. Титаренко И.Н. Роль философии в решении глобальных политических проблем и противодействии насилию: античные идеи и современность // *Философия и культура*. 2011. № 9. С. 85–96.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Ocherki ob akademike A.A. Guseinove. Ocherk vtoroy. Putevoditel'nyy mayak // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 10. S. 11–20.
2. Gurevich P.S. Ocherki ob akademike A.A. Guseinove. Ocherk pervyy. «Dostigliya v pazdum`yakh sovershenstva?» // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 9. S. 7–16.
3. Gurevich P.S. Ocherki ob akademike A.A. Guseinove. Ocherk tretii. «Zhivotvoryashchie svyatyni» // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 11. S. 17–24.
4. Guseinov A.A. Moral'naya demagogiya kak forma apologii nasiliya // *Voprosy filosofii*. 1995. № 5. S. 5–12.
5. Guseinov A.A. Ponyatiya nasiliya i nenasiliya // *Voprosy filosofii*. 1994. № 6. S. 35–41.
6. Guseinov A.A. Svoboda i spravedlivost': tochki sopryazheniya // *Vedomosti NIPE*. Vyp. 28: Svoboda i/ili spravedlivost' / Red. V.I. Bakshtanovskii, N.N. Karnaukhov. Tyumen': NIPE, 2006. S. 17–32.
7. Guseinov A.A. Chto takoe etika nenasiliya? // *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyy aspekt*. Sbornik dokladov. M., 2006.
8. Guseinov A.A. Etika nenasiliya — velenie vremeni. Doklad na Vtoroi Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Religiya v izmenyayushcheysya Rossii». Perm', 11–12 maya 2004 g. («Religiya i SMI» (www.religare.ru)).
9. Guseinov A.A., Apresyan R.G. Etika. M.: Gardarika, 1998. 472 s.
10. Ismailov N.O. K voprosu o sootnoshenii spravedlivosti i npravstvennosti // *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. Rostov-na-Donu, 2010. № 1. S. 25–29.
11. Ismailov N.O. Spravedlivost' kak mera ravenstva // *Sotsiologiya vlasti*. 2009. № 8. S. 95–103.
12. Ismailov N.O. Spravedlivost' kak mera svobody // *Sotsiologiya vlasti*. 2009. № 7. S. 136–144.
13. Ismailov N.O. Teoriya spravedlivosti. Armavir: RITs AGPU, 2007. 116 s.
14. Ismailov N.O. Etika diskursa Khabermasa v kontekste spravedlivosti // *Pravo i politika*. 2014. № 4. S. 521–528.
15. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. M.: Politizdat, 1990. 415 s.
16. Kanarsh G.Yu. Teoriya spravedlivosti v zerkale natsional'nogo kharaktera (o nekotorykh zapadnykh i rossiiskikh osobennostyakh moral'nogo myshleniya) // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 11. S. 93–102.
17. Kant I. Sochineniya v 6-i tt. T. 2. M.: Mysl', 1964. 510 s.
18. Konstantinov M.S. Bremya dobrodeteli: moral'nye kontsepty kommunitarizma // *Politika i obshchestvo*. 2013. № 12. S. 1416–1422.
19. Makiavelli N. Izbrannye proizvedeniya. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 574 s.
20. Palyulin A.Yu. «Moral' i dogma» o zakone i spravedlivosti // *Politika i obshchestvo*. 2013. № 9. S. 1177–1185.
21. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik. M.: Mysl', 1998. 798 s.
22. Prokof'ev A.V. Zashchita interesov budushchikh pokolenii: utilitaristskaya perspektiva // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 9. S. 139–150.
23. Prokof'ev A.V. Etika nenasiliya kak begstvo ot npravstvennogo riska // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 7. S. 137–149.
24. Titarenko I.N. Rol' filosofii v reshenii global'nykh politicheskikh problem i protivodeistvii nasiliyu: antichnye idei i sovremennost' // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 9. S. 85–96.